

О культе теоретического знания и его оправдании (К истории вопроса)

В статье теоретическое знание рассматривается как результат своеобразного культа, требующего от своих адептов добиваться истинного знания независимо от возможности его практического использования. Этот культ, сформировавшийся в Древней Греции, является неотъемлемой частью современной культуры, включающей в себя множество и других культов. Одним из них является культ пользы, требующий от любой вещи или действия быть средством для достижения более важных целей. С позиции этого культа теоретическое знание обязано оправдывать свое существование практической полезностью.

Ключевые слова: теоретическое; практическое; культ; знание; умение; мудрость; миф; природа; естественное; искусственное; созерцание; умозрение; доказательство; практика.

Вначале о слове *теоретическое*. В середине прошедшего столетия в русскоязычной терминологии, с помощью которой описывалось научное знание, начали появляться англоязычные термины и обороты, а многие входящие в них эллинизмы и латинизмы, давно уже ставшие интернациональными, стали употребляться в небывалых прежде сочетаниях и противопоставлениях, подразумевающие какие-то новые их значения. Нечто подобное произошло и со словом *теоретическое*, смысл которого очерчивался многовековым противопоставлением *теории* и *практики*, *теоретических* и *практических* знаний, *теоретической* и *практической* философии, стал оттесняться небывалыми значениями, которые диктует языковая оппозиция *теоретическое-эмпирическое*, заимствованная из так называемой *философии науки XX века*¹. С внедрением в русскую речь новой оппозиции и привыканием к ней обычными стали рассуждения об *эмпирическом* и *теоретическом* уровнях познания, *эмпирической* и *теоретической* стадиях развития научного знания, *эмпиризме (фактуализме)* и *теоретизме*².

Оппозиция *теоретическое – эмпирическое* сконструирована в 20-х годах прошлого века в *аналитической философии* для разграничения *языка науки* и *языка метафизики*. Однако ее использование за пределами этой весьма узкой и специфической задачи (с весьма специфической трактовкой *науки* и *метафизики*) может только мешать пониманию сути проблем, которые волновали мыслителей прошлого, создававших *европейскую науку* и осмысливавших специфику используемых ею приемов познания с помощью иных противопоставлений³. Тем более, не годится эта оппозиция для понимания специфики познавательной деятельности, которая нача-

* **Геннадий Васильевич Болдыгин**, канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Начало основательному знакомству с новыми для русскоязычного интеллектуального сообщества проблемами и терминами положили работы В. С. Швырёва *Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки* (М. : Наука, 1966) и *Теоретическое и эмпирическое в научном познании* (М. : Наука, 1978).

² См., напр., статью «Факт» в *Энциклопедии эпистемологии и философии науки* А. Л. Никифорова – изобретателя эмпирически неверифицируемых терминов *фактуализм* и *теоретизм* (URL: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/факт).

³ Термин *европейская наука* ввел в оборот Э. Гуссерль в незаконченной работе *Кризис европейских наук*. В данной статье это словосочетание используется в расширенном значении, включая все культуры научного мышления, которые сформировались под влиянием древнеэллинического гения, в том числе и средневековая арабоязычная *фалсафа* (философия), благодаря которой современная наука говорит с сильным арабским акцентом.

ла формироваться в Древней Греции в VI веке до нашей эры и которую вслед за эллинами называют теперь *теоретической* (от др. греч. Θεωρία – созерцание, наблюдение), противопоставляя ее деятельности *практической* (от др. греч. πράξις – действие, деятельность).

В античности и в более близкие нам времена считалось, что только бесстрастное созерцание (чувственное либо интеллектуальное) способно давать достоверное знание об объектах, произвольное изменение которых невозможно или нежелательно. Большинство древнегреческих мыслителей достаточно низко оценивало результаты чувственного созерцания, полагая, что из-за его тесной связи со *страстью* (πάθος) оно способно давать лишь изменчивые *мнения* (δόξα). Гораздо выше ценилось *умозрение* – созерцание (Θεωρία) с помощью *ума* (νοῦς), способное, как считалось, давать наиболее достоверное знание (ἐπιστήμη) потому, что оно неподвластно эмоциям, побуждающим к скороспелым выводам и неразумным действиям⁴.

Под *умозрением*, которое после Декарта стали называть *интеллектуальной интуицией* (от позднелатинского intuitio – созерцание), понималась способность людей отстраненно (с точки зрения вечности или бога) *как бы созерцать* те или иные предметы познания, воздерживаясь от желания как-либо воздействовать на них. Примером такого интеллектуального квазисозерцания может служить предлагавшееся Галилеем мысленное наблюдение за движением шаров по наклонной плоскости⁵, наблюдение за деятельностью *демона Максвелла*, или за вращением электронов вокруг ядра в *планетарной* модели атома Резерфорда, или за построением идеальных треугольников, сумма углов которых в отличие от реальных всегда равна двум прямым. Кант, отрицавший возможность созерцать что-либо с помощью интеллекта, называл способность людей представлять абстрактные объекты научного познания *чистым созерцанием*, которое вместе с *эмпирическим созерцанием* составляет чувственную познавательную способность, лежащую в основании *наук теоретического познания*⁶.

Но как бы ни истолковывались теоретическое знание и приемы его достижения, европейская наука до сих пор пытается оправдывать свой интерес к объектам, практического изменения которых она избегает вынужденно или сознательно. Не прекращаются и попытки оправдать *прямой* практической полезностью *fundamental science* (фундаментальная наука), которая чаще всего определяется как *научные исследования* без определенных коммерческих или других практических целей, а не только гипотетической возможностью *приложения* ее результатов к решению технологических и коммерческих проблем⁷. Если же верить древней легенде, проблема оправдания своей бескорыстной любознательности встал уже перед первым теоретиком древности Фалесом, который упал в яму, созерцая звездное небо по дороге домой.

⁴ Демокрит, по легенде, выколол себе глаза, чтобы чувства не отвлекали от умозерцания атомов и их комбинаций, а его ровесник Сократ своей жизнью и *смертью* доказал возможность подавлять свои эмоции, руководствуясь в поступках только разумом. По выражению Аристотеля, *отождествляя добродетель с науками* (ἐπιστήμη), Сократ вообще *упраздняет страсть и нравы* [3; 1182a20].

⁵ Подробнее о *мысленных экспериментах* Галилея см.: Ахутин А. В. *История принципов физического эксперимента* (М.: Наука, 1976).

⁶ «...Мы можем сослаться только на две науки теоретического познания (только о нем здесь и речь), а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании... [10; 33].

⁷ См.: Smith C. L. *Чем полезна фундаментальная наука?* – URL: https://vk.com/topic-32482446_33030375

Практический ответ Фалеса на насмешки зловредной соседки (астрономические наблюдения подсказали действия, обогатившие его⁸) уже в Античности не удовлетворял тех, кто пытался понять, действительно ли созерцание (Θεωρία) недоступных изменению объектов способно руководить практическими действиями людей. Но его ближайшие современники ничуть не сомневались в возможности практического использования наблюдений за звездным небом. И вовсе не потому, что им была известна тайна превращения теоретических знаний о вещах в алгоритмы практических действий с ними. Рассуждения Фалеса и его последователей о никем не созданных и никому не подвластных *началах* всех вещей лишь начинали формирование основ бесстрастного *теоретического* познания с требованием к своим адептам *не плакать, не смеяться, но познавать* независимо от того, приятно получаемое знание или огорчительно, согласуется с мнением большинства или нет, полезно оно или бесполезно. В те времена доминировали иные культы (от лат. *cultus* – *почитание, возделывание, уход*) и присущие им императивы, через призму которых воспринимало суждения Фалеса большинство его современников.

Культура любого этноса, народа, нации или более объемной исторической общности людей представляет собой сложное переплетение различных культов, суть которых в коллективном почитании и сбережении убеждений, вещей, действий, эмоциональных и поведенческих реакций, а также всего того, что ценится без каких-либо сомнений в его ценности. Культы возникают и умирают, оставляя большой или исчезающе малый след в истории человечества. Их связи и взаимовлияния многообразны, опосредованы другими культурами и не всегда очевидны, а поэтому каждый из нас помимо целенаправленного культивирования особо почитаемых ценностей исповедует с разной степенью осознанности еще множество культов, вплетенных в единую культуру соответствующей исторической общности. Коллективы, исповедующие тот или иной культ, могут состоять из большего или меньшего количества адептов, являющихся сознательными, но чаще бессознательными приверженцами и других (порой враждебных друг другу) культов, которые в сознании своих носителей сочетаются друг с другом самыми различными способами, порой весьма причудливыми⁹.

В древнегреческой культуре особое место занимал культ τέχνη (*мастерства, искусства, умения*), ярче всего воплотившийся в почитании олимпийских богов, каждый из которых, как говорили мифы, был искусником в своем деле, что помогло им победить более мощных, но неумелых титанов¹⁰. Более того, всё то, что в наши дни называют *явлениями природы*, в мифах истолковывалось как нечто *искусственное*, как результат чьих-либо целенаправленных действий – богов или других подобных им существ¹¹. Культ τέχνη питался также легендами об изобретательном умельце Дедале, скульпторе Пигмалионе и различными списками *семи чудес света*, которыми для эллинов были не высочайшие горы, не великие реки и

⁸ Легенда, достоверность которой придали ее изложения Платоном и Аристотелем, говорит, что Фалес сумел по звездам предсказать большой урожай оливок, скупил заранее все маслобойки и осенью, став монополистом в отжиме масла, заработал кучу денег.

⁹ Примером враждебных культов, которые не могут существовать друг без друга, могут служить культы Христа и Антихриста.

¹⁰ Представление о греческих богах как больших искусниках сохранялось и в европейском Средневековье, где они из *даймонов* (δαίμον) превратились в *демонов* (daemon), способных поделиться с соблазненными ими людьми разными *умениями*, например научить ведьм не тонуть в воде и даже летать.

¹¹ Древним эллинам было незнакомо понятие *сверхъестественное*, вера в которое многими в XIX–XX вв. считалась *минимумом религии*. Понятие *сверхъестественное* возможно лишь при наличии отчетливого понятия *естественного*, которое начало формироваться лишь на рубеже V–IV вв. до н. э. на основе слова φύσις. Не было оно знакомо также первым и средневековым христианам, рассуждавшим о богочеловеческой *природе* Иисуса Христа. Нет термина *сверхъестественное* и в лексиконе современных христиан.

не иные грандиозные или удивительные в своей необычности стихийные явления, но исключительно создания искусных человеческих рук. По-своему послужил этому культу даже неумеха Герострат, жаждавший славы, но понимавший свою неспособность создать что-либо подобное сожженному им храму Артемиды.

Высшая степень τέχνη очень часто называлась *мудростью* (σοφία)¹², а высшей формой мудрости в поздней античности считалось *умение* найти достойный выход из самой сложной житейской ситуации, не ущемляя интересов других людей. Недаром легенда приписывала некоторым из *мудрецов* (σοφοί) изобретение *политии* (от πολύς – *многочисленный*), т. е. формы общежития в *полисе* (πόλις) – небывало большом скоплении людей, принадлежащих разным родам, племенам и другим кровнородственным объединениям, на основе принятых всеми гражданами писаных соглашений (νόμοι)¹³. На рубеже VII–VI вв. до н. э., в период активной трансформации родоплеменных связей в полисные взаимоотношения индивидов, пытающихся жить не по стихийно складывавшимся племенным нравам и обычаям, а по *искусственным* (созданным и изменяемым самими людьми) законам, возникает культ мудрецов, который, по своей сути, есть культ носителей *практических знаний* – знаний о способах действий с вещами и людьми для достижения потребительских, религиозных, эстетических и иных целей.

Практические знания, будучи изобретениями пытливых умов, *рациональны* и в отличие от *умений*, частью которых они являются совместно с условно-рефлекторными *навыками*, способны существовать отдельно от навыков, а также транслироваться неограниченному количеству людей с помощью слов, схем и других символов, обозначающих абстрактные понятия разной степени общности. Современное название практического знания – *know how* (*знаю, как*), обозначающее как простейшие бытовые рецепты и инструкции по обращению с незнакомыми инструментами и приборами, так и чрезвычайно сложные, насыщенные абстрактными формулами *технологические карты*, диктующие последовательность многочисленных операций для создания тех или иных промышленных изделий и получения нужных эффектов. Практическими являются также знания, позволяющие воздействовать на сознание и подсознание людей для достижения эгоистических и социально значимых целей.

Мыслительные процессы, которые приводят к практическим *знаниям* о неизвестных прежде способах *действий* с давно известными объектами, даже более загадочны, чем ход мыслей первооткрывателей теоретических знаний, который они обязаны описать всем желающим, чтобы каждый имел возможность самостоятельно пройти путь к добытой ими истине и убедиться в отсутствии на этом пути добросовестных заблуждений или сознательного плутовства. В отличие от результатов теоретических разысканий, публикуемых в открытой печати, многие *нау* часто засекречены и являются тщательно охраняемой коммерческой тайной, подобно семейным рецептам мастеров прошлого и настоящего. Громадные

¹² О сходстве значений слов τέχνη и σοφία и их, порой, неразличимости в древнегреческой литературе см.: Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 24–36.

Русское слово *умение*, образованное от слова *ум*, наиболее адекватно передает смысл греческого τέχνη, характеризующего деятельность и ремесленника-демиурга, и поэта, и воина, и мудреца-законодателя.

¹³ Слово νόμος, переводимое чаще всего как *закон*, буквально означает *условие, соглашение*. *Номосы* принимались на общих собраниях граждан и обязательно записывались. Гиппий в *Воспоминаниях* Ксенофонта так определяет закон: «Это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего следует воздержаться» [11; IV, 4, 13]. Именно письменным характером νόμος отличался в глазах древних эллинов от более древней формы устного соглашения λέξις (букв. *слово* в значении *честного слова, обещания*). Термин lex, заимствованный римлянами у итальянских греков, стал обозначать то, что эллины называли νόμος, т. е. *писанный закон*.

масштабы современного промышленного и технологического шпионажа, продолжающего тысячелетнюю традицию воровства ремесленных секретов, свидетельствуют о проблематичности или даже невозможности самостоятельного изобретения новых способов действий с вещами, может быть потому, что изобретение, как заметил когда-то И. Кант, требует *гениальности*¹⁴.

В древности изобретение даже простейших рецептов представлялись еще более загадочными, чем в наши дни. Их обретение нередко истолковывалось либо как дар богов, либо как результат хищения у них (в это верили древние эллины)¹⁵, либо как следствие своевольной попытки сравняться с богами в умении отличать добро от зла (о чем рассказывает *Библия*). Профанное и сакральное, действие и священнодействие слабо различимы в сознании древних и не таких уж древних умельцев, которых подводят порой тысячи раз испытанные рецепты. Культы практических знаний и умений сливались поэтому с различными суевериями, магическими представлениями и ритуалами, другими религиозными верованиями. В европейском Средневековье, например, отдельные святые считались покровителями тех или иных ремесленных цехов и торговых гильдий и потому особо почитались этими древними профсоюзами, одновременно представлявшими собой локальные религиозные объединения, подобно монашеским и рыцарским орденам.

Культ *практического знания* существовал и существует в наше время в границах более древнего культа *пользы (утилитаризма)*, начала которого коренятся в первобытной жизни-выживании, требующей от любой вещи и любого действия (физического или интеллектуального) приносить *пользу*, быть полезным *средством*, т. е. таким, которое можно *использовать* для достижения какой-либо практической цели, пусть самой ужасной и отвратительной. С позиции этого культа всё то, что *бесполезно* и не является *средством*, не заслуживает внимания и не имеет права на существование, а усилия по достижению цели ради самой цели (например, знания ради знания) – занятие невозможное и немислимое, а потому требующее отыскания или хотя бы придумывания его полезности. Как советовал карикатурный *утилитарист* Козьма Прутков, «бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою»¹⁶.

Сложившаяся на рубеже VI–V вв. до н. э. легенда об извлечении милетским *мудрецом* практического знания из созерцания звезд создавалась в границах представлений о возможностях известных в то время форм практических познавательных средств, куда еще долгие века включались и различные приемы гадания. Правда, древние эллины предпочитали гадание по внутренностям животных и особенностям полетов птиц гаданию по звездам, видимо, потому, что даже в период высших достижений математической астрономии в Александрии греки не были сильны в наблюдениях за небесными явлениями. Но ближайшие цивилизованные соседи эллинов – египтяне, у которых будто бы учился Фалес, и особенно вавилоняне – славились наблюдениями за светилами-божествами, которые использовались исключительно в практических целях: для определения начала и завершения

¹⁴ Как заметил когда-то И. Кант, изобретение требует *гениальности*, поскольку «то, что открывают, предполагается уже до того существовавшим, оно только не было известным... а то, что изобретают... совершенно не было известно до того, как было создано» [9, с. 253–254].

¹⁵ По Эхилу, Прометей не только научил людей добывать огонь, но раскрыл им секреты мастерства, которыми до этого владели лишь олимпийские боги: «Все искусства у людей от Прометей» [17, 506].

¹⁶ См.: Сочинения Козьмы Пруткова. – М.: «Художественная литература», 1976. – 384 с. Требования Высшей аттестационной комиссии СССР в середине 1970-х годов вынудили автора этой статьи в автореферате кандидатской диссертации фантазировать о колоссальной практической значимости его исследования *концепции доказательности* Г. В. Ф. Гегеля, которое по настоянию многоопытного научного руководителя получило название *Критика гегелевской концепции доказательности*.

религиозных церемоний, коллективных работ, а также для гадательной практики, т. е. искусства предсказания исхода войн и других рискованных общественных предприятий¹⁷.

Легенда о предпринимательских успехах Фалеса, скорее всего, оправдывала в глазах его практичных современников (искусных ремесленников, мореходов, воинов, земледельцев) столь непрактичное занятие, как наблюдение за звездным небом, и объяснение, почему его имя обязательно включалось в разные списки *семи мудрецов* Древней Греции. Первые биографы Фалеса (но, возможно, и он сам) вряд ли отчетливо понимали, что занимавший его вопрос *что есть?* (ответ: *все есть вода*) кардинально отличается от считавшихся главными в то время практических вопросов *чем полезна вода?* и *что делать*, если воды нет, или ее чересчур много, или она ненадлежащего качества и т. п.? Однако не успешное гадание по звездам и даже не приписываемое Фалесу предсказание солнечного затмения, а как раз непрактичное стремление отличить то, *что есть*, от того, что лишь мнится и воображается, что самостоятельно возникает, а что создается в результате осуществления чьих-то замыслов, оказалось чрезвычайно заразительным.

Последователи Фалеса с азартом неопитов отыскивали в мире то, что *есть*, всегда *было* и всегда *будет*, что, следовательно, не может быть результатом целенаправленного *созидания* (ποίησις) предметов и явлений. Восхищение искусством создателей и его результатами все более теснилось удивлением, которые вызывало у эллинов самостоятельное, не требующее чьих-либо усилий *возникновение* (γένεσις) вещей. Они спорили друг с другом о том, возникают ли вещи из воды или воздуха, огня или атомов, или чего-то иного, догонит Ахиллес черепаху или не догонит, что больше – Солнце или Пелопоннес. Иными словами, они спорили о том, знание чего никак не могло помочь им ни в земледелии, ни в ремесле, ни в торговле, ни в каком-либо ином практическом занятии.

Эллины доказывали истинность теоремы Пифагора, которой сами они и их соседи по Средиземноморью веками пользовались при межевании земельных участков и разметке будущих сооружений. Они доказывали истинность многих других теорем, включая совсем уж бесполезную для них теорему о том, что может быть не больше пяти правильных выпуклых многогранников. Для древних эллинов к V в. до н. э., как и для нас сегодняшних, математика без доказательств немислима, и мы ничуть не удивляемся попыткам найти новые доказательства *Великой теоремы Ферма*, которую в 1994 году доказал Э. Д. Уайлс и уже получил за это в 2016 году *Абелевскую премию*. Но почему она легко мыслилась авторами древних и средневековых китайских наставлений, в которых без каких-либо доказательств излагались правила вычислений и алгоритмы решений множества математических задач, включая и те, которые в Европе начали ставить и решать в более поздние времена?

«У китайцев никогда не было собственной теоретической математики, – писал авторитетнейший синолог В. Е. Еремеев. – Их традиционная математика занималась разработкой правил в виде алгоритмов, позволяющих автоматически получать решение за счет нескольких процедур, которые совершались с помощью счетной доски... Корректность сообщаемых правил при их формулировке не доказывалась, а сами они формулировались для частных случаев» [12, с. 86]. Лишь в XVII веке китайские математики благодаря совместному с христианскими миссионерами переводу на китайский язык учебника по планиметрии познакомились с доказательствами геометрических теорем. Некоторые из этих теорем (например,

¹⁷ Предсказания индивидуальных судеб по звездам, гороскопы (ὥρασκοπός), были изобретены лишь в эпоху эллинизма и не были известны государственным-шумерам, озабоченными лишь общественной пользой, а также подражавшим им вавилонянам, наблюдениями которых воспользовался Клавдий Птолемей для своих *эфемерид*.

теорема Пифагора) пришли в Китай еще раньше, но излагались без каких-либо доказательств. Вероятно, китайские математики той поры, не сумев отыскать какое-либо практическое применение для доказательств, видели в них своеобразные *европейские церемонии* – некие интеллектуальные украшения, *культовые* по своей сути, что, в общем-то, верно: знание теорем можно с успехом использовать для расчетов, забыв или вовсе не зная их доказательств.

Можно лишь предполагать, что именно препятствовало возникновению культа доказательства теорем в древневосточных цивилизациях, одаривших мир великими техническими изобретениями, грандиозными сооружениями и множеством умений, включая различные приемы вычислений и решения сложнейших математических задач. Возможно, древнеегипетские *писцы*, гордившиеся друг перед другом своим искусством вычислений, не пытались выявлять и доказывать истинность оснований, лежащих в основе известных им алгоритмов потому, что постоянно подтверждавшееся успешными расчетами знание этих алгоритмов было кастовым, передававшимся по наследству и недоступным представителям других каст. Доказывать что-либо приходится только равным, располагающим знаниями, достаточными для квалифицированных сомнений.

В Вавилоне же, где в иные времена вычислительным знаниям обучались даже дети пастухов, не доказывали потому, что не осмеливались сомневаться в изобретенных шумерами способах решения различных задач. Вавилоняне, оказавшиеся в плену высочайшей интеллектуальной культуры искорененных ими шумеров и желавшие подчеркнуть свою образованность, называли себя *шумерами*. Они воспроизводили без изменений не только шумерские приемы вычислений и астрономических наблюдений, но и географические карты окрестностей, хотя и знали их ошибочность.

Кастовое разделение труда, освященное религией, не допускало сомнений и какого-либо обсуждения математических алгоритмов и в Древней Индии, где они впервые (и достаточно поздно – в III в. н. э.) были изложены в письменном виде на *ведическом санскрите* – языке избранных, тщательно оберегающих свои эксклюзивные знания от профанов. Особые факторы играли свою роль в древних цивилизациях Дальнего Востока, где, в частности, многовековые культы мудреца и мудрости исключали обязанность учителя доказывать безусым ученикам истинность своих утверждений, признавая тем самым их право на сомнение в его мудрости.

Впрочем, мудрость практична, ее суждения о действиях императивны, а потому их *истинность* принципиально не доказывается. Предписания *действий* не могут быть истинными или ложными, но, выражаемые в повелительном наклонении в форме категоричного приказа либо необязательной рекомендации, они могут быть осуществимыми либо неосуществимыми, полезными, бесполезными или вредными. Сами же действия, которые диктуются и советуются императивами, также не могут быть истинными или ложными, но только – эффективными или избыточными, своевременными или запоздалыми, законными или незаконными, соответствующими общепринятым нормам приличия или постыдными и т. п. *Истинными* и *ложными*, т. е. соответствующими познаваемым предметам, могут быть лишь суждения, выраженные исключительно в изъявительном наклонении, о том, что *есть*, *было* и *обязательно будет* независимо от чьих-либо желаний и стараний, но никак не императивы, говорящие о действиях для достижения того, чего еще нет и, возможно, никогда не будет. Еще менее соответствуют или не соответствуют тому, что *есть*, суждения сослагательного наклонения, говорящие о желаемом, которого никогда не было и заведомо не будет никогда.

Что привело к возникновению и распространению в Древней Элладе культа созерцательного знания, чурающегося пользы и требующего обязательного доказывания истинности его суждений, – это, конечно, загадка не меньшая, чем при-

чины отсутствия в древневосточных культурах потребности в доказательстве истинности теорем до какого-либо эмпирического подтверждения эффективности основанных на них расчетов. Всякое поклонение в большей или меньшей степени иррационально: оно насыщено безотчетными симпатиями и антипатиями, не поддающимися разумному контролю и объяснению. С культурами дело обстоит так же, как с художественными произведениями, обаяние которых коренится не только в разумной гармонии замысла и исполнения, но и (как заметили еще в Античности) в некоторой доле неразумия их творцов, которая не поддается точному вычислению расчетливых копиистов, подражателей, графоманов и даже ученых искусствоведов. Можно лишь с большей или меньшей уверенностью рассуждать об обстоятельствах, которые могли способствовать превращению некоторых вещей, образов, приемов физических и интеллектуальных действий в предметы коллективного почитания.

Важнейшим обстоятельством, сыгравшим важнейшую роль в возникновении культа созерцательного знания, адепты которого были готовы ради него идти на смерть, как Джордано Бруно, и даже рисковать своей бессмертной душой, как патриарх Аквилеи¹⁸, стало утвердившееся в ходе нескольких революций и реформ *политическое* (независимое от родовой принадлежности и профессиональных занятий) *равенство* граждан в древнегреческих демократических полисах, которое предполагает наличие у каждого гражданина интеллектуальной способности, достаточной для осмысленного принятия законов и других государственных решений, а следовательно, присущего ему права требовать устранения сомнений в истинности любых высказываемых суждений и целесообразности практических предложений. Право квалифицированного сомнения в свою очередь предполагает отсутствие или ликвидацию монополии на особые знания индивидов и обособленных групп, кровно заинтересованных в сохранении их эксклюзивности. Знания начинают восприниматься эллинами как принципиально доступные всем без каких-либо привилегий. «В геометрии нет царских путей», – ответил, по легенде, Евклид на вопрос Птолемея I Сотера о более коротком пути к знанию, чем изучение его *Начал*.

Одним из факторов, способствовавших возникновению культа бесстрастного теоретического познания, стало ослабление в демократических полисах социально-регулятивной функции древних мифов, внедрявших в сознание и подсознание эллинов образцы одобряемого и порицаемого поведения с помощью ритмической декламации *аэдами*, *рапсодами*, а позже актерами в театральные инсценировки мифических сюжетов. Мифы, культивировавшие одинаковые эмоциональные реакции, которые обеспечивали взаимопонимание их адептов и побуждали к одинаковым действиям, выросли на почве родовых отношений, служили их сохранению и, конечно, не предусматривали житейских коллизий, то и дело возникавших в рамках новых связей и взаимоотношений, которые в законосообразной жизни полисов значительно сократили роль ближнего или дальнего родства и связанных с ним эмоций в принятии гражданами важнейших решений. Демократические реформы Драконта, Солона, Клисфена целенаправленно разрушавших формы родовых объединений, породили немисливо-нелепый прежде призыв *не считаться филами*¹⁹.

¹⁸ *Ермолай Барбаро*, патриарх Аквилеи, живший уже на закате Средневековья, в XV в., пытался, как говорят хроники, вступить в сговор с дьяволом всего лишь для того, чтобы тот разъяснил ему подлинный смысл аристотелевского термина *энтелехия* (см.: Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. – М., 1932).

¹⁹ *Фила* (φυλή) – объединение родов, особо симпатизирующих друг другу, поскольку между их представителями преимущественно заключались браки. Призыв *не считаться филами* стал результатом реформ Клисфена, который преобразовал прежние четыре филы, сохранявшиеся при всех прежних переселениях, в десять новых *фил*, превратившихся в территориально-административные

Вслед за мифами теряли прежний авторитет и *цари-басилеи*, ведущие происхождение от героев-полубогов и в силу этого являвшиеся одновременно верховными понтификами в своих родоплеменных сообществах. В эллинских протогосударственных образованиях не было многочисленных и влиятельных родов, подобного *левитам* у древних евреев или кастам египетских и индийских жрецов, делом жизни которых было сохранение непререкаемого авторитета религиозных убеждений. А *басилеи* уже не могли, апеллируя к мифам, ни разрешать небывалые прежде имущественные споры, ни предотвращать кровавую вражду, ни помочь в ее достойном завершении. Басилеи превращались в почти рядовых граждан или, как это было в Афинах, в выборных чиновников по делам религии, а минимизация в демократическом Эфесе властных полномочий побудила Гераклита даже к отказу от царского сана в пользу брата.

Для решения различного рода конфликтов граждане демократических полисов обращались теперь в суд той или иной инстанции – *дикастерий* (δικαστήριον). Организация и особенности судопроизводства в *дикастериях* стали еще одним обстоятельством, существенно повлиявшим на возникновение культа беспристрастного постижения истины и ее доказательства. Целью судебных разбирательств считалось *раскрытие* (αλήθεια) того, что тщательно скрывается одним из участников прений, либо скрытого (λήθη) от обоих спорщиков и, разумеется, *дикастов* (от δικαστής – судья), которые присягали на беспристрастное (*не считаясь филами*) рассмотрение всех дел. Поскольку судьями поочередно и неоднократно становились практически все граждане демократических полисов (в Афинах ежегодно избирались по жребию 6 000 дикастов, а в самых простых судебных разбирательствах участвовало не менее 201 дикаста²⁰), культ чурающейся симпатий и антипатий истины, *раскрываемой* в спорах, всё больше вплетался в общую культуру Древней Эллады, формируя настоятельную потребность в адекватном и, главное, доказательном изложении своих мыслей.

В ответ на эту потребность возник популярный литературный жанр судебных и политических речей, а также филологические исследования софистов и изучение ими приемов аргументации, способной убедить сомневающихся в законности или целесообразности предлагаемых практических решений, а также в соответствии суждений о предметах спора неким бесспорным истинам и общепризнанным правилам рассуждения²¹. Особое внимание эллинов привлекала математическая аргументация, способная превратить некоторые сомнительные суждения в личное убеждение каждого. Легенда приписывает Фалесу первые доказательства математических теорем. И хотя вне математики никому не удавалось добиться той степени убедительности, которая присуща ее построениям, доказательство стало обязательным условием любых суждений, претендующих на истинность. Не случайно значительная часть скептических *тропов* посвящена *недоказанности* начальных пунктов дедуктивного вывода и неполноты – индуктивного.

Вместе с ослаблением социально-регулятивной роли древних мифов уменьшался и их авторитет в объяснении всего происходящего, в том числе и того, что через два тысячелетия стали называть *явлениями природы*. Впрочем, объясняющая функция мифов нередко преувеличивается, а сами мифы часто истолковываются как некая *пред-наука* (*пред-философия*), которая ставит те же вопросы, что и бу-

---

объединения, в которых перемешались представители разных родов, еще помнившие древние кровнородственные связи и порождаемые ими симпатии.

²⁰ В суде над Сократом участвовал 401 *дикаст*.

²¹ После Аристотеля приемы убеждения стали разделять на *риторику* (ῥητορικὴ) – ораторское искусство, использующее силлогистику и примеры, *эристику* (ἐριστική) – искусство спора, допускающее ради победы использование так называемых *софизмов*, и *аподейктику* (ἀποδεικτική) – доказательство, опирающееся только на законы логики.

дущая наука, но решает их метафорически, описывая мир с помощью художественных образов. Однако мифы даже в иносказательной форме не ставят вопрос, *есть* ли в действительности или хотя бы *были ли* когда-либо кентавры, кинокефалы, титаны, олимпийские и другие боги, титаны и другие породившие их существа. Да и описание *мира* в целом не интересовало творцов, их соавторов-рассказчиков и слушателей родоплеменных эллинских мифов, в которых действия богов, героев и простых смертных происходят в границах весьма приблизительных географических сведений. Как устроен мир за границами *ойкумены* (части суши, заселенной людьми) не были главным предметом мифических описаний, а попадающие в их поле зрения ближайшие окрестности – лишь весьма схематичная декорация, на фоне которой разыгрываются драмы и трагедии *действующих лиц*²².

В VII в. до н. э., когда эллины с тревогой переживали начавшиеся демократические реформы полисного общежития, Гесиод попытался в *Теогонии* преодолеть географическую ограниченность местных родовых мифов, связав близким или отдаленным родством их персонажи и создав некое подобие будущих космологий, описав не только *мир в целом* с его основными частями (земля, небо, подземелье), но и каким-то образом *вычислил* его размеры. По Гесиоду, расстояние от верхней части неба до поверхности земли медная наковальня пролетит за 9 дней. Такое же время потребуется для ее полета от поверхности земли до ее самой нижней части. Надо думать, такое же расстояние отделяет крайние точки запада и востока. И все-таки не *мир в целом* и его части интересовали Гесиода и его читателей, а разумные и безумные поступки Геи, Урана, Крона, Аида, Тартара, рожденных ими других мифических существ, среди которых олимпийские боги заняли главенствующее положение.

Теогония не была (и эллины это знали) простой записью всем известного общеэллинского мифа, но поэтическим синтезом Гесиода, недовольного суетной городской жизнью и идеализирующего в *Трудах и днях* жизнь сельскую с ее простыми и понятными *нравами*. С помощью *Теогонии* он надеялся восстановить социально-регулятивную функцию мифов, но ее создание свидетельствовало о кризисе древних разрозненных мифических образов и представлений и формировании запроса на какую-то иную форму осмысления и объяснения причин начавшейся *эпохи стремительных перемен*.

Через сотню лет более адекватным ответом на этот запрос станет космология Анаксимандра, для которого Земля и весь мир станут предметами единственного познавательного интереса, а вовсе не декорациями, в которых действуют боги и породившие их существа. Анаксимандр, в котором пробудилась под влиянием Фа-

²² Древние мифы нельзя называть *мировоззрениями* (целостными воззрениями на мир), поскольку они географически локализованы: в них обязательно описывается некий центр сакральных событий и приблизительно очерченная периферия, вещи которой по мере их приближения к центру или удаления от него меняют свои свойства. Вопрос о наличии чего-либо за границами мифической периферии не ставился коллективными творцами устных мифов: он не был интересен ни им, ни их слушателям, познавательные запросы которых были сосредоточены на правилах поведения с вещами, людьми, богами и другими мифическими существами, действующими в данной местности, за пределами которой, скорее всего, есть другие люди и другие животные, другие чудовища и другие боги, требующие каких-то иных норм поведения. Описание космоса (*мира в целом*) не входит в число задач устно передаваемых эллинских мифов. И не только эллинских. Поэтому так неудачны попытки воспроизвести космологические воззрения древних египтян или вавилонян на основе их мифов. Нет космологии и в Библии, где *свет* отделяется богом от *тьмы* раньше создания Солнца, что дало повод тому же Козьме Пруткову считать Луну более *полезной*, чем дневное светило, поскольку она светит, когда *темно*. Более или менее внятных космологических представлений нет и у наших малообразованных и вовсе необразованных современников, составляющих большую часть населения Земли, но прекрасно обходящихся в своей жизни вполне мифическими представлениями о противоположности *неба* и *земли* и их обитателей.

леса бескорыстная любознательность, вообще обходился без богов при объяснении разной яркости небесных светил, невыносимой яркости молнии и причин сопровождающего ее грома, формы Земли и расстояния от нее до звезд, Луны и Солнца, возникновения живых существ из ила. Во многом благодаря Анаксимандру важнейшим фактором, повлиявшим на возникновение в Древней Греции культуры созерцательного познания, стало выделение объектов познавательного интереса, которые в отличие от мифопоэтических повествований, не могут быть результатом целенаправленного созидания и недоступны произвольным преобразованиям.

Таким объектом стал для Гераклита никому не подвластный мировой порядок – *космос* (κόσμος²³), который «...один и тот же для всего [сущего], не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [18; ДК 22 В 30]. Через два столетия, когда значительно расширилась предметная область теоретических исследований, Аристотель в *Никомаховой этике* сформулировал в общем виде особенность их объектов: они *вечны* и о них *не принимают решения*. «Никто не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также о том, что, изменяясь, всегда изменяется одинаково, будь то по необходимости, или по природе, или по какой-то иной причине (как, например, солнцевороты или восходы) [3.1111 b20-25].

Среди объектов теоретического познания особое место в глазах древнегреческих интеллектуалов заняли вечные и неизменяемые *природы вещей*. Словом *природа* (φύσις) эллины обозначали не *мир в целом*, не *космос*, не *вселенную*, но недоступное произвольному изменению *начало* (ἀρχή), *естество*, которое определяет способ самостоятельного возникновения, изменения и уничтожения того или иного класса вещей, примерно то, что до сих пор подразумевается словосочетаниями *природа человека*, *природа науки*, *природа мышления* и т. п. Поиск таких начал был инициирован значительным ослаблением культуры *технэ*, наиболее ярким свидетельством чего стала трактовка *киниками* всего *искусственного* как заведомо худшего, чем все *естественное*.

Движение античной мысли от *начал-веществ*, основные свойства которых сохраняются в возникающих из них вещах, к неким невещественным *началам-природам* – это непростой и разнонаправленный путь от родоплеменной объясняющей модели, требующей указывать происхождение исследуемого предмета, к иным эвристическим моделям, порождаемым законосообразной жизнью в полисах, где принадлежность к тому или иному родовому сообществу, объяснявшая особенности поведения его членов, переставала считаться конечной целью познания. На этом пути интерес к *космогониям* всё больше вытеснялся интересом к *космологиям*, а некоторые слова, означавшие с детства знакомые вещи и вызывавшие почти те же эмоции, что и сами эти вещи, начали использоваться еще и как термины, лишённые эмоциональных и практических коннотаций, поскольку обозначали абстрактные понятия.

У Аристотеля, например, слова *земля*, *вода*, *воздух* и *огонь* стали условными обозначениями сочетаний *первичных* качеств – *холодного* и *сухого*, *влажного* и *холодного*, *влажного* и *теплого*, *сухого* и *теплого*, которые преобладают в единичных вещах в смеси со множеством еще и других качеств. А слово *ύλη* (*хюле*), продолжая обозначать *кустарник*, *лес*, *древесину* приобрело благодаря Аристотелю значение *материала вообще* (будь это глина для амфоры или серебро для украшений), который Платон называл *матерью-восприимницей*, а римляне вслед за ним

²³ А. О. Маковельский переводил κόσμος словом *мирострой*, подразумевая под *строем* русский *порядок* или немецкий *die Ordnung*, но никак не *мир в целом*, не огромное одушевленное существо, каким *космос* стал у Платона, и не *Вселенную* современных космологических и космогонических теорий.

назвали *материей*. Еще более абстрактным понятием стала никогда не существовавшая, как считал Стагирит, *первая материя* (в схоластике – *material prima*), названная им *лишенностью* (στέρησις), поскольку в результате мысленного отвлечения от ὕλη ее свойств она лишилась даже тех чувственных характеристик, которые еще оставались в его трактовке четырех элементов. Приобрело дополнительное значение и слово *генезис* (γένεσις), которое стало обозначать наряду с *происхождением* еще и *возникновение*, все чаще противопоставляемое *созиданию* (ποιήσις).

В формировании абстрактного понятия *природа* участвовали не только изначальные значения слова φύσις (*произрастание, рост*)²⁴, но и надежда найти регулятор поведения, альтернативный легко переступаемым законам, *искусственность* которых была очевидна принимавшим и менявшим их гражданам полисов. *Номосы*, конечно, ограничивали произвол индивидов, но не столь принудительно и безальтернативно, чтобы сравниться с прежними неписаными родоплеменными нравами и обычаями, которые Платон – сторонник *отеческой* царской власти – называл *стародедовскими законами* [16. 793 b]. Недовольство *законами* как ограничителями своеволия порождало подспудный поиск *форс-мажора*, непреодолимого препятствия для произвола индивидов, который мог бы послужить основой будущего нерушимого законодательства.

У эллинов уже существовало представление об ограничителе воли людей и даже богов, который мы называем *судьбой*, а в древних местных мифах носившей разные имена: Мойры, Тиха, Ате, Адрастеи, Хеймармене, Ананке. Однако *неотвратимость* судьбы, как бы она ни называлась, не годилась в качестве образца нерушимого и непреодолимого законодательства: судьба всегда индивидуальна, она категорически запрещает одному то, что легко позволяет делать остальным. Мечта о форс-мажоре, способном оградить от любого самовластного произвола, витающая в напряженной политической и интеллектуальной атмосфере демократических полисов, требовала от него помимо *непреодолимости*, как у судьбы, еще и *равенства* каждого перед ним, как перед *номосом*: граждане полисов уже привыкли жить по законам. Одним из результатов подспудного поиска законоподобного (нелицеприятного) ограничителя произвола стало крепнувшее среди интеллектуалов той поры убеждение, согласно которому наряду с различными видами τέχνη, благодаря которым создаются обычные и диковинные вещи, включая художественные произведения, существуют еще и безличные, никем не созданные, никому (даже богам) не подвластные *начала* самостоятельного *возникновения* и изменения вещей, за которыми в V в. до н. э. закрепилось название φύσις²⁵.

К началу IV в. слово *фюсис* в своем новом значении невидимого *начала* того или иного класса возникающих и изменяющихся вещей прочно закрепилось в лексиконе древнегреческих интеллектуалов, и Аристотелю уже представлялось *смешным* требование доказывать наличие такого *архэ*²⁶. Рассмотрев в *Метафизике* несколько значений, в которых использовалось в его время слово οφύσις, и

²⁴ О *донаучных* способах употребления слова φύσις см.: Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности: Ранняя греческая наука «о природе». – М.: Наука, 1979. – 488 с.; Ахутин А. В. Понятие «Природа» в античности и в новое время. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

²⁵ Однако использовать *фюсис* в качестве регулятора поведения никто всерьез и не пытался. Эпатирующие же попытки *киников* (в своем большинстве иногородних-метеков и вольноотпущенников) жить не по искусственному *установлению (номосу)*, а *по природе* демонстрировали неспособность по-разному толкуемому человеческому *естеству* стать основой общезначимых правил поведения и закрепляли оппозицию *природа/закон*, отмененную лишь Декартом, который сконструировал невозможный в Античности и Средневековье термин *закон природы*. Декарт отлично понимал новизну своей терминологии, когда писал: «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем... вывести некоторые правила, которые я называю *законами природы*...» [6; 368].

²⁶ «А пытаться доказывать, что природа существует, смешно...» – говорит Аристотель в *Физике* [5. 193 a5].

сравнивая его с *τέχνη* как находящимся вне вещей *началом* искусственного *созидания* (*ποίησις*), требующим от человека немалых усилий, Аристотель пришел к выводу, что «природа в первичном и собственном смысле есть сущность, а именно сущность того, что имеет начало движения в самом себе...» [1. 115 a10-15]²⁷.

Формирование понятия *φύσις* как неизменной сущности вещей стало решающим в осознании невозможности выразить ее в императивных формах практического знания и способствовало формированию убеждения, согласно которому никому не подчиняющиеся *природы* вещей можно познать лишь *теоретически*, т. е. с помощью созерцания *естественного* поведения этих вещей, которое противопоставлялось их *искусственному*, а значит, *насильственному* преобразованию. Древнегреческая наука, базовым принципом которой стало противопоставление *естественного* и *искусственного*, сознательно отвергала широко применявшийся ремесленниками *технологический* по своей сути эксперимент, цель которого не раскрытие сущностных свойств испытуемых вещей, но *проверка* способности тех или иных *действий* с ними привести к желаемому результату. Потребовалось множество веков для осознания того, что некоторые виды насилия над вещами могут сделать *очевидными* те их сущностные свойства, которые при отсутствии *теоретического* эксперимента затемнены другими свойствами и потому недоступны *созерцанию*. А пока любые действия с предметами считались недопустимыми при познании их *природы*, поскольку *искусственное* преобразование вещи искажает ее *естество*, а *возникновение* подменяется *созиданием*²⁸.

Античные искатели истины не были принципиальными противниками утилитаризма. Более того, культ пользы составлял важнейший элемент их духовной культуры, от которого они не хотели и не могли отказаться, а поэтому пытались понять, можно ли практически использовать результаты созерцания предметов, воздействие на которые невозможно. Одним из первых ответ на вопрос о практическом использовании теоретических знаний дал Демокрит, считавший *умения* людей результатом *подражания* (*μίμησις*) природам вещей. Первоначальным *искусствам*, полагал он, люди научились благодаря чувственному созерцанию деятельности животных (ткачеству – от пауков, строительству домов – от ласточек, пению – от певчих птиц). Из его учения об атомах и пустоте вытекало, что искусству создавать и преобразовывать вещи можно научиться, познавая с помощью умосозерцания *причины* их самостоятельного возникновения и изменения.

Однако сам Демокрит, похоже, понимал невозможность или, по меньшей мере, неподъемную тяжесть отслеживания всех причинно-следственных цепочек, которые приводят к возникновению и изменению даже одной единственной вещи, нахо-

---

²⁷ В *Физике*, где говорится о *покое* как *естественном* состоянии *воздуха* в отличие от *естественных* прямолинейных *движений* земли, воды, огня и круговых движений небесных тел, Аристотель определяет *природу* как *начало движения и покоя* [Там же. 192 b20].

²⁸ Интеллектуальная оппозиция *естественное/искусственное* сохраняет свое значение и в наши дни, требуя в качестве важнейшего познавательного шага ответ на вопрос, являются ли существующие объекты и явления естественными или искусственными, возникли они самостоятельно или кем-то созданы. Поисками артефактов и разработкой критериев, отличающих их от предметов природного происхождения, занимаются археологи, а также те, кто одержим экзотическими поисками внесемных цивилизаций в космосе или их следов на Земле. В зависимости от определения *естественности* или *искусственности* объекта избирается дальнейшая познавательная стратегия. Если объект признается *искусственным*, то предметом исследования становятся *цели*, ради которых он создан, технология *создания* и способы его *использования*. В объекте, признаваемом *естественным*, главный познавательный интерес представляют сущностные характеристики объекта, отличающие его от объектов иного класса, рода и вида. Знание этих характеристик является конечной целью *теоретического познания*. Опасения принять за *естественные* свойства исследуемых объектов результаты искусственного воздействия на них не исчезли и в современном естествознании. Так, физики XX в. были озадачены вопросом (не решенным до сих пор), искажают ли *искусственные* измерительные приборы *естественное* поведение элементарных частиц.

дящейся в бесчисленных взаимодействиях со всем остальным миром, и, как говорит легенда, за одно причинное объяснение он готов был отдать персидский престол. Тем не менее убеждение, что познание причин естественного возникновения и изменения вещей есть одновременно познание возможности их искусственного созидания и преобразования, стало на долгие века главным оправданием созерцательного познания в условиях доминирования культа пользы²⁹.

Если Демокрит был первым (или одним из первых), кто попытался отыскать возможность практического использования созерцательного знания, то его современник Сократ был первым, кто доказывал принципиальную неспособность знания о естественном возникновении, изменении и уничтожении вещей отвечать на практические вопросы: что лучше того, что есть? и как действовать для достижения этого лучшего?³⁰ Он, если верить Платону, объяснял свое разочарование в учении Анаксагора о вещественных началах вещей и их *природах*, сравнивая его с анатомией, которая дает знание о строении человеческого тела, но не способна ответить на вопрос о причинах человеческих поступков, а потому не может ничего сказать о мотивах, побуждающих самого Сократа сидеть *здесь* (т. е. в тюрьме) и тем самым содействовать осуществлению вынесенного ему смертного приговора, не пытаясь сбежать из нее с помощью друзей [14. 97d]³¹.

Сократ и его современники, разумеется, не знали французского слова *motif*. Не знали они и формулы «нет мотива, нет преступления», лишаящей доказательной силы любые аргументы обвинения, если не доказано наличие мотива у обвиняемого. Однако поведение индивидов, которое в наше время называют *мотивированным*, уже привлекало внимание его современников. В Афинах V века до н. э. после реформ Драконта, Солона, Клисфена частично исчезли, а частично потеряли былое влияние неписанные, но безальтернативно категоричные императивы родового общежития, вполне равнодушные к лицам сородичей и инородцев³². Переход к законосообразной жизни в полисах освобождал его граждан от многих родовых норм поведения и табу, нарушение которых прежде каралось независимо от наличия умысла или его отсутствия, а равенство всех граждан перед законом уничтожало групповую ответственность всего рода за преступление одного из его членов, что пробуждало интерес к различению индивидов (к распознаванию их лиц), дабы наказание нес действительный преступник³³.

---

²⁹ Еще одна легенда о Демокрите, нашедшем в глубокой старости способ безболезненного умирания с помощью вдыхания ежедневно уменьшающегося количества атомов меда и свежеспеченного хлеба и возвратившемся на время к жизни, чтобы дочь не откладывала свадьбу из-за траура, была создана теми, кто в его учении о познании причин возникновения, изменения и уничтожения вещей видел решение исключительно практических задач.

³⁰ В платоновском *Федоне* Сократ говорит: «В молодые годы, Кебет, у меня была настоящая страсть к тому виду мудрости, который называют познанием природы. Мне представлялось чем-то возвышенным знать причины каждого явления – почему что рождается, почему погибает и почему существует» [14. 96a]. Однако выяснять следует, «как лучше всего этой вещи существовать, действовать или самой испытывать какое-либо воздействие. Исходя из этого рассуждения, человеку не нужно исследовать ни в себе, ни в окружающем ничего иного, кроме самого лучшего и самого совершенного» [Там же. 97 d-e].

³¹ «Если бы кто говорил, что... без костей, сухожилий и всего прочего, чем я владею... я бы не мог делать то, что считаю нужным, он говорил бы верно. Но утверждать, будто они причина всему, что я делаю, и в то же время что в данном случае я повинуюсь Уму, а не сам избираю наилучший образ действий, было бы крайне необдуманно» [Там же. 99 a-b].

³² В не такие уж стародавние времена лицо индивида с его неповторимыми чертами мало кого интересовало и потому скрывалось татуировкой, раскраской, головным убором, маской, прической, одеждой, говорящими о главном – о принадлежности подчеркнута безличного индивида к тому или иному роду-племени, к той или иной половозрастной группе, к тому или иному социальному страту.

³³ В родовых сообществах, где до сих пор культивируется кровная месть, мститель назначает-ся клановым советом и не всегда из числа наиболее пострадавших, а ответственным за пролитую

В эллинском мире того периода еще не было слова, обозначающего юридическое понятие *лицо* (*личность*), подобное римскому термину *persona*. Но уже вошло в широкий оборот местоимение *я* (*εγώ*)³⁴ благодаря обязательному в *мусическом* образовании заучиванию детьми стихов Гесиода, где оно впервые появляется в письменной речи. А после реформ Драконта благодаря введению в судебную практику понятие *умысел* возрос интерес и к собственным мыслям отдельного человека. *Умысел* не стал отягчающим обстоятельством при вынесении приговоров: даже мелкая кража каралась теперь смертной казнью, ставшей монополией государства, отменившего родовую кровную месть. Однако убийца мог избежать казни, если убийство было неумышленным. Возрастающее понимание того, что внутренний мир каждого так же неповторим, как и его лицо, что он сам принимает решения о своих поступках и только он сам обязан нести ответственность за них, способствовало появлению жизнеописаний выдающихся людей, в которых говорилось не только об их профессиональных и общественных достижениях, но и об их телесных и интеллектуальных качествах.

Сократ стал первым, чья внешность (лицо и даже одежда) и, главное, внутренний мир стали предметом интереса его современников и потомков. Платон же, ярче всех описавший облик, манеру и способ рассуждений Сократа, первым дал ответ вопрос о мотивах, побуждающих разных людей стремиться к разным целям, достижение которых они считают самым важным делом своей жизни. Этими мотивами он считал различные виды любви, проявляющейся в стремлении обладать тем или иным предметом своего бескорыстного влечения. С греческого языка на русский одним и тем же словом *любовь* переводят и *ἔρως*, и *ἀγάπη*, *φιλία*, и *στοργή* – слова разные и греками не спутываемые, хотя каждое из них обозначает безотчетное *влечение* к своим особым предметам.

Наряду с *эротической любовью*, общей для всех животных, но отличающейся у человека стремлением к прекрасному, Платон выделял *сребролюбие*, *честолюбие* (любовь к почестям) и порождаемое им *властолюбие*, присущее профессиональным военным и тиранам [12. 475 a-e, 485 b-c]. Мотивом, побуждающим некоторых (далеко не всех) сограждан отдавать время и силы не для добывания серебра и любования им³⁵, не для совершенствования в ремесле или в политической деятельности, а для разыскания истины и ее доказательства, Платон называл *любовью к знанию* (*φιλοσοφία*). Он высоко оценивал *логистику* (*искусство счета*), полезную в повседневной жизни, в государственном управлении и военном деле, и отграничивал ее от *математики*, в которую включал арифметику, планиметрию, стереометрию, астрономию и теорию музыки, изучающие, как он считал, различные виды чисел. Понимая практическую бесполезность доказательств математических теорем, Платон объяснял это *самое трудное занятие* [Там же. 498 a-b] своеобразной *любовной горячкой*, похожей на то *умоисступление*, когда влюбленный не может ни думать, ни говорить о чем-либо ином помимо предмета своей любви. Доказательство, по Платону, не способ властолюбцев подавлять чужую волю, как стали трактовать доказательство в XX в., но средство, позволяющее убедиться са-

---

инородцем кровь может стать любой член его рода, и не обязательно проливший эту кровь. В кровной мести нет ничего личного, только – родовое.

³⁴ Современники Гесиода, возможно, еще какое-то время испытывали такие же затруднения с использованием местоимения первого лица единственного числа, как и русские крестьяне, заменявшие из-за непонятной теперь стеснительности слово *я* на местоимение *мы*, или как *индейцы* Фенимора Купера, говорившие о себе только в 3-м лице единственного числа.

³⁵ Иллюстрацией к платоновскому учению о *сребролюбии* и *честолюбии* может служить одна из *маленьких трагедий* Пушкина о «скупом рыцаре», для которого богатства являются предметом бескорыстной любви, с которым он не в силах расстаться, чтобы иметь возможность им любоваться, и его честолюбивом сыне, для которого золото – отнюдь не вожаемая цель, а всего лишь средство, способное удовлетворить его страсть к почестям, полагающимся ему по рождению.

тому и дать возможность другим самостоятельно убедиться в том, что они наконец-то совместно владеют предметом их общей любви – *истинным знанием* (ἐπιστήμη), а не вечно колеблющимся *мнением* (δόξα). В результате те, кто влюблены в истину, получают от успешного доказательства особого рода *удовольствие* (ἡδονή), неведомое *честолюбцам, сребролюбцам и тиранам* [12. 580 d-581 c; 586 c-587 e].

Объяснение *причины*, побуждающей некоторых людей добиваться знания ради самого знания, отнюдь не освобождало Платона от ответа на вопрос о *практической цели* созерцательного познания помимо *удовольствия* от достижения истины, которое нельзя считать конечной целью, а скорее – приятным бонусом к полученному результату. Культ пользы не был чуждым и для него, обязывая оправдывать полезностью любой вид человеческой деятельности. Особенно трудной была обязанность оправдать усилия тех, кто стремился познать *природы вещей*, не поддающихся практическому воздействию. В *Софисте*, рассуждая о *природе*, понимаемой как *архе*, благодаря которому нечто возникает и изменяется без чьих-либо видимых усилий, Платон утверждал, что на самом деле то, что понимают под φύσις, есть тоже τέχνη, но не человеческое, а *божественное умение* (θεϊτέχνη)³⁶.

Исходя из такой трактовки *естества*, он говорит в *Тимее* о верховном божестве как мастере-искуснике, *Демииурге*, а учение о возникновении вещей и *космоса* называет *правдоподобным мифом*, подразумевая под *мифом* не небывлицу, а особый литературный жанр, специфический предмет которого – действия богов. Тем самым *любопытность* (φιλομάθεια) тех, кто пытается постичь *природы вещей*, объясняется не всегда осознаваемым стремлением к познанию божественной *мудрости* – к недостижимому для смертных *искусству* создавать вещи, а не только преобразовывать уже существующие. Непонятная для большинства современников страсть к созерцательному бескорыстному знанию получила теперь свое практическое оправдание с помощью понятия *любви к мудрости* (φιλοσοφία), которая, не будучи сама наукой, овладевает некоторыми из людей и побуждает их заниматься теоретическими разысканиями³⁷. Уже после Платона *философию* стали называть *матерью* всех наук и под непрямым влиянием Аристотеля разделять на *теоретическую* и *практическую* (см.: [1]).

Аристотель, разделявший многие воззрения Платона, тем не менее решительно отказался от оправдания созерцательного познания его практической полезностью, пусть даже иллюзорной и недостижимой. Аристотель был более демократичным в трактовке мотивов теоретического познания, чем его учитель и друг. Он считал стремление к знанию ради самого знания изначально присущим каждому человеку, а не только некоторым *философам по природе*. «Все люди от природы стремятся к знанию», – говорится в первом предложении *Метафизики*. «Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» – говорится во втором [1. 980a].

Аристотель выделил две совершенно различные функции *разумной души*, присущей в отличие от всех остальных животных только человеку, осуществляя которые он выполняет свое *естественное* предназначение [2.1097 b]. Первая

³⁶ «...То, что приписывают природе, творится божественным искусством, то же, что создается людьми, – *человеческим*, и, согласно этому положению, существует два рода творчества (ποίησις): один – человеческий, другой – божественный» [13. 265e].

³⁷ Неологизмы «философ» и «философия» вряд ли были изобретены полумифическим Пифагором, которому приписывались многие фантастические умения, а, скорее всего, зародились в окружении Сократа и какое-то время не выходили за его пределы. В письменной речи оно впервые (два раза) встречается у ритора Исократа (см.: Шичалин Ю. А. Вступительная статья к диалогу Платона «Федр». М., 1989), который входил в число слушателей Сократа, как и его младший современник Платон, которого можно считать со-изобретателем слова *философия*, много писавшим о *любви к мудрости*, ее отличии от других видов *любви* и охваченных ею *философах*.

функция – сугубо созерцательная – осуществляется, по Аристотелю, особым *теоретическим умом*, который «не мыслит ничего относящегося к деятельности и не говорит о том, чего следует избегать или добиваться» [4. 433a 1-15]. Вторая – практическая – осуществляется «умом, размышляющим о цели, т. е. направленным на деятельность» [Там же. 433a1-15]. Поскольку отличительная характеристика предметов *теоретического ума* – их *вечность*, которая исключает малейшие поползновения что-либо в них изменить (о них *не принимают решения*), постольку они могут быть только предметами пассивного *созерцания* (θεωρία). Никому не подвластное вечное, которое невозможно *использовать* в качестве *средства*, является, по Аристотелю, конечной целью теоретического познания, не нуждающегося в каких-либо дополнительных оправданиях³⁸. Не принимают решений и о том, что ушло в вечность, т. е. о *прошедшем*: ведь *прошедшее не может стать не бывшим* [2.1139 b 5]³⁹.

Предметной сферой размышлений *ума, направленного на деятельность* (πράξις), может быть только *будущее* [Там же. 1139 b 5-10]. Однако не всякое будущее, по Аристотелю, является предметом практических размышлений и решений, а только то, которое в отличие от неизбежных солнцеворотов и восходов может быть, но может и не быть, поскольку *зависит от нас и не всегда бывает одинаково* [Там же. 1112 b18]. Этим предметами могут быть только поступки⁴⁰, причем только разумные поступки, инициированные *умом*, размышляющим о *деятельности* и готовящим наши практические решения, но никак не поступки, вызванные какими-то иными причинами (внешним принуждением, животными импульсами или глупостью). «*Предметом решения... следует называть не то, о чем может принять решение какой-нибудь глупец или безумец, но то, о чем его принимает разумный человек*» [Там же. 1110 a-1111a].

Сутью интеллектуальной деятельности *практического ума* по принятию разумных решений Аристотель считал *выбор средств* по их достижению⁴¹. «Решение наше касается *не целей, а средств к цели... никто из... мастеров [не сомневается] в целях, но, поставив цель, он заботится о том, каким образом и какими средствами ее достигнуть...*» [Там же. 1113a]. Вопросы о загадочной деятельности интеллекта по изобретению новых действий он даже не ставил. В мире вечных форм, образом которого руководствуется Стагирит, нет и не может быть ничего нового, пугающего его современников, вынужденных жить в *эпоху перемен*.

Познавательная деятельность *практического ума* сводится к изучению средств-поступков, уже использовавшихся для достижения той или иной цели, и выбор оптимального варианта, учитывающего все привходящие обстоятельства. «...И если окажется несколько средств, то прикидывают, каково самое простое и наилучшее; если же достижению цели служит одно средство, думают, как ее достичь при помощи этого средства и что будет *средством для этого средства*, покуда не дойдут до *первой причины, находят которую последней*. Принимая решение,

³⁸ Похоже, так же, как и Аристотель, думал *доходяга* (герой одного из «Колымских рассказов» В. Шаламова), повторявший вслух всплывшее из глубин сознания совершенно бесполезное в лагерной жизни слово *сентенция*, значения которого он уже не знал, но надеялся все-таки вспомнить его, что было бы (и он надеялся на это) свидетельством возвращения его из почти животного состояния к человеческому.

³⁹ Если бы Аристотель обсуждал вопрос о сути исторической науки, она была бы отнесена им к *теоретическому* знанию.

⁴⁰ «А принимаем мы решения о том, что зависит от нас и осуществляется в поступках...» [3.1112 a30],

⁴¹ «*Предмет решения* и предмет *выбора одно и то же*, только предмет выбора уже заранее строго определен, ибо *сознательно выбирают* то, что одобрено по принятии решения, потому что всякий тогда прекращает поиски того, как ему поступить, когда возвел источник [поступка] к себе самому, а в себе самом – к ведущей части души, ибо она и совершает сознательный выбор» [2. 1113 a5].

занимаются как бы поисками и анализом описанным выше способом (так же как в *задачах на построение*)» [2.1111 b20]. Если же мы ставим для себя новую или чрезвычайно важную цель и не знаем, как поступают для ее достижения или сомневаемся в собственном выборе наиболее оптимального поступка, Аристотель предлагает обращаться за советом⁴².

Практическое знание о том, как можно поступить, является, по Аристотелю, необходимым, но еще не достаточным условием разумного поступка⁴³. «...Не знание, а другая сила вызывает действие, согласное знанию» [4. 433a 5]. Силой, побуждающей людей действовать для достижения поставленной цели, оказывается *желание* – одно из *стремлений*, присущих *растительной* и *животной* душам, приводящих в *пространственное движение* человеческое тело⁴⁴, в котором они сосуществуют наряду с *разумной* душой⁴⁵. Аристотель отлично понимал силу иррациональных начал человеческих поступков: «Даже когда ум предписывает, а размышления подсказывают чего-то избегать или добиваться, не побуждаются этим к действию, а поступают согласно желанию, как, например, невоздержанный человек» [Там же]. Однако, утверждал он, «владеющие собой люди не делают того, к чему у них есть стремление, а сообразуются со своим умом» [Там же].

Можно лишь удивляться наблюдательности и проницательности Аристотеля, который сумел увидеть принципиальное различие двух самостоятельных видов познавательной деятельности и описать их важнейшие черты. Долгие века теоретическое и практическое знания, которыми руководствовались создатели материальной культуры, существовали параллельно друг другу. Только на рубеже XVIII – XIX вв. Г. Монж изобрел *начертательную геометрию*, позволяющую вычислять точные размеры проектируемых сооружений и их деталей, а тем самым появилась возможность использовать при расчетах их прочностных характеристик теоретическую механику, уже основательно разработанную к тому времени. Инженер (от ит. *ingegnere* – хитрец, изобретатель) начнет превращаться из *обманищика природы* в представителя массовой профессии в *Политехнической школе (École Polytechnique)*, созданной Наполеоном только в 1794 г. по проекту всё того же Монжа. До этого мастера-искусники руководствовались при создании своих творений исключительно умениями, приобретенными в ученичестве, цеховым и своим опытом, интуицией и весьма приблизительными эскизами будущих сооружений, даже таких сложных, как готические соборы и многомачтовые парусные корабли⁴⁶.

Однако и в наши дни, когда совершенно очевидно, что новейшие технические устройства и медицинские технологии были бы невозможны без серьезных теоретических знаний, их превращение в алгоритмы практических действий – все еще загадка, возможно потому, что такое превращение требует гениальности. Напрасно требовать от теоретика, изучающего законы природы, еще и проектов технологий, которые могут возникнуть в будущем на основе добытых им знаний. Слишком разнятся теоретические знания о вечных *законах природы*, которые разрешают делать все, что ими не запрещено, и практическими знаниями о том, *что* можно или

⁴² «Для важных дел, не будучи уверены, что мы сами достаточно [умны] для принятия решений, мы приглашаем советчиков» [2.1112 b10].

⁴³ «...Сведущий во врачебном искусстве не обязательно лечит», – говорится в трактате *О душе* [4.433a 5].

⁴⁴ «...Движет та способность души, которая называется стремлением» [4.432 a25].

⁴⁵ «...В разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть» [4.432 b5].

⁴⁶ Пётр I, стремясь самостоятельно овладеть всеми секретами кораблестроения и ослабить зависимость России от иноземных искусников-корабелов, почти за 100 лет до Монжа пытался изображать строящиеся корабли в плане и разрезе. Но то были не чертежи в трех проекциях, а приблизительные рисунки. Способы изображения на чертежах будущих изделий в различных проекциях и умение вычислять точные размеры их деталей изобрел именно Монж.

следует *делать* для достижения конкретной желанной *цели*. А поскольку культ пользы останется доминирующим в практической деятельности большинства людей, теории и дальше будут искать оправдания своей бескорыстной любознательности, без которой, правда, никогда не появились бы ни физики-ядерщики, ни химики-технологи, ни масса других специалистов, знающих, как поступать для удовлетворения все новых и часто неразумных желаний.

Литература

1. Альбин. Учебник платоновской философии // Платон. Диалоги. – М. : Мысль, 1986. – С. 437–475.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975. – С. 5–367.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1981. – С. 53–201.
4. Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1984. – С. 371–448.
5. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1984. – С. 59–261.
6. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1984. – С. 297–422.
7. Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 24–36.
8. Еремеев В. Е. Математика // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – Т. 5. – М., 2009. – 1055 с. – С. 52–95. – URL: <http://www.synologia.ru/aМатематика>
9. Кант И. Антропология. – М. : Чоро, 1994. – Т. 7. – С. 137–375.
10. Кант И. Прологомены. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 5–152.
11. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М. : Наука, 1993. – 236 с.
12. Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. – М., 1932. – С. 3–21.
13. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 79–420.
14. Платон. Софист // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 275–412.
15. Платон. Федон // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 7–79.
16. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 83–477.
17. Эсхил. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. – М. : Наука, 1989. – 592 с.
18. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М. : Наука, 1989. – 576 с.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

On the Cult of Theoretical Knowledge and Its Justification (To the History of the Issue)

The author treats theoretical knowledge as a result of a certain cult incorporating requirements for its disciples to obtain true knowledge irrespective of its possible practical use. This cult emerging in Ancient Greece has become an integral part of today's culture rich in many other cults. One of them is the cult of utility implying that each thing, or action, should be a means for achieving a more important goal. From the perspective of this cult, theoretical knowledge has to justify its existence by being useful.

Keywords: the theoretical; the practical; cult; knowledge; skill; wisdom; myth; nature; the natural; the artificial; contemplation; speculation; evidence; practice.